

НИКОЛАЙ КОЛЯДА

ДУРАКА КУСОК

Пьеса в одном действии.

г. Екатеринбург

2024 год

1

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

НИНА – 18 лет

СЕРГЕЙ – 18 лет

Отель у дороги. Зима. Наши дни.

Зима. По трассе летят машины. Снег.

Придорожная гостиница.

Маленькая прихожая. Тут так запущено всё. Пыль, окно в паутине. Стоит пальма пластмассовая в кадучке. Еще два кресла, диван старый, журнальный столик. На стене висит телевизор. Там что-то показывают про войну. Камин тут же у стены – с фальшивыми поленьями, горит. Лампочка под потолком мигает. Что-то замкнуло там, лампочка старая – она то горит ярко, то едва дышит. Тут полумрак и непорядок во всем. Видно, что хозяева не сильно-то заботятся о чистоте и уюте в этой гостинице. А зачем? И так будут клиенты. На сто километров налево и направо по дороге – нет живого.

Под крышей гостиницы – голуби прячутся, греются и тихо что-то бормочут.

В окне лес. Густой-густой, сосны и ёлки в снегу.

Нина стоит за стойкой администратора. За ее спиной – тумбочка, на ней микроволновка и электрический чайник. На стойке спит кот, свернувшись калачиком.

Сергей – в куртке, с рюкзаком, шапочка на голове, только вошел с улицы, в снегу весь.

НИНА. Мы пускаем только дальнобойщиков. У нас такой формат.

СЕРГЕЙ. Ого. Мы не простые.

НИНА. Чего?

СЕРГЕЙ. Кто вас научил слова умные говорить? Формат, бизнес-центр, вип-услуги? Так?

НИНА. Что?

СЕРГЕЙ. Нельзя клиентам отвечать вопросом на вопрос.

НИНА. А?

СЕРГЕЙ. Говорю: я дальнобойщик. Посмотрите на меня внимательно.

НИНА. Мест нет.

СЕРГЕЙ. Места есть.

НИНА (*отвечает на звонок телефона*). Да? Да. Да, да. Да, говорю. Да, хорошо, приезжайте.

СЕРГЕЙ. Места есть, я же говорю.

НИНА. Мы пускаем только дальнобойщиков. Мест нет. У нас такой формат. Нужен предзаказ. Всё забронировано.

СЕРГЕЙ. Говнюшка какая.

НИНА. Что?

СЕРГЕЙ. Говорю: мне одноместный. Душ, туалет у вас есть? А куда вы смываете всё из туалета? В лес?

НИНА. У нас отель для дальнобойщиков. Для шофёров. Сказала же. Непонятно? По-русски говорить умеете? У нас такой формат. Нужен предзаказ. За номер берется залог в размере МРОТ.

СЕРГЕЙ. МРОТ? Или в рот?

НИНА. Я сказала вам: МРОТ. Минимальный размер оплаты труда в России. Такие правила. Читайте вот на стенке. Написано вам: МРОТ. И всё.

СЕРГЕЙ. Чего?

НИНА. Того. Не понятно? До свидания.

СЕРГЕЙ. Но андестенд.

НИНА. Мест нет. Андестенд?

СЕРГЕЙ. «Мест нет, андестенд!». Прямо рэпчик! Так мне тут нравится: глухой лес, так далеко от города, дорога – машины туда-сюда и ваша гостиница. ОТЕЛЬ. Мотель. Шмотель. Драмотель. Кэмпинг, ёпэрэсэтэ.

НИНА. Еще раз: только дальнотойщики. ОТЕЛЬ наш даже так даже вот и называется: «Империя отдыха». Отдых для дальнотойщиков.

СЕРГЕЙ. Да ладно, хватит. Он называется: «У Жорика». Или: «Шишки-елки-палки». Раз в лесу и далеко от деревень и городов. Ну, всё, хорош. Ключик мне дайте от одностотного, да я пойду уже. А то – базар не по делу.

НИНА. Куда?

СЕРГЕЙ. Что?

НИНА. Пойду – куда?

СЕРГЕЙ. На улицу Труда, мыть верблюда. Мыться пойду. Отдыхать. Устал. «Империя отдыха», блин.

НИНА. Мест нет.

СЕРГЕЙ. Да что вы мне заладили?! Окна не горят, пустая империя, я же подошел, посмотрел: лес, нет никого, пусто, только волки бегают с зелеными глазами. И ваш дом трехэтажный стоит. Пустой.

НИНА. Еще раз. И еще раз. И еще раз, товарищ клиент: мы пускаем только дальнотойщиков.

СЕРГЕЙ. А они что – святые?

НИНА. Не святые.

СЕРГЕЙ. А что тогда?

НИНА. До свидания.

СЕРГЕЙ. Нет, здравствуйте. Ключик, пожалуйста.

НИНА. Какой ключик? Нету у меня никакого ключика. Идите отсюдова.

СЕРГЕЙ. Потудова. Рэпчик снова! «Отсюдова-потудова». Чух-чух. «Потудова-посюдова, айдате-пошлите, туды-сюды, курям воды! Эй, эй, обезьяны! Эй, эй, растут бананы!» ...

Пауза.

НИНА. Хватит тебе, развонялся тут, дурака кусок. Чего ты тут разыгрался мне? Крути педали, пока не дали. Я сказала: нет. Всё. Значит – нет.

СЕРГЕЙ. А я говорю: да.

НИНА. А я говорю ...

СЕРГЕЙ. Да понял я уже, что ты говоришь. Ключ давай и помолчи тут мне. Устроили мне тут кемпинг, мотель, отель, село, деревня, общага поганая, хостел. Ключи на стол, говорю, и бай-бай.

Пауза.

Я дальнотойщик, блин! Сказал тебе?!

НИНА. В зеркало на себя посмотри.

СЕРГЕЙ. Сама смотри.

НИНА. Белоручка.

СЕРГЕЙ. А ты кто? Деревня.

НИНА. В зеркало на себя посмотри, дурака кусок.

СЕРГЕЙ. Хамить мне не надо. Я хочу заселиться. Это что такое? Почему вы мне отказываете? Почему ты мне отказываешь?

НИНА. Я тебе сказала, блин, debil: мест нет! Вот табличка: «Мест нет»! Что тут нарисовано?! Мест нет! Нет мест – до свидания!

СЕРГЕЙ. Не ори. Кот проснулся из-за тебя.

НИНА. Мой кот. Ларсик мой. Не твое дело!

СЕРГЕЙ. Ну, ладно, раз так. Я сяду тут в кресло, в вашем холле, в зало, в зале, на рецепшен, так сказать, сяду и посижу, пока освободится. Должно же освободиться? Дальнобойщики же едут куда-то в светлую даль, вылезают из постели, отправляют своих путан в лес или куда там – в деревни, что рядом, да? Ты ведь из деревни? Ну вот. И они оттуда. Путанки. Плечевые. Сяду вот тут и буду ждать. Что, прогонишь? Нет. Мне нравится. Тут так красиво. О, пальма пластмассовая. Цветы китайские пластмассовые. Диванчик из девяностых. Два кресла, какие грязные, обшарпанные. Камин фальшивый. Хайтэк! Стиль шик-модерн. Деревня решила, что они тут все - охеренные дизайнеры! А люстра, люстра какая! Просто лампочка мигает и уют создает! Бесит. Мигает! Ну, просто цыганский цирк ограбил колхозный детский сад! Да?! Ладно. Посижу, отдохну. Подожду. Куда мне торопиться?

Молчание.

НИНА. Не освободится. Тут сидеть нельзя. А если хотите – вон, на улице стойте тама и ждите тама. А тут – запрещено посторонним находиться. Местов нету!

СЕРГЕЙ. Девушка, на улице мороз сто градусов. Ну, пожалейте вы меня? Ну как я тама как вы говорите, буду стоять? Тама холодно, милая.

НИНА. Поогрызайся мне еще тут. Подразнишь тут еще. У нас не «собес».

СЕРГЕЙ. Да что вы?! А где табличка: «Тут не собес!»? Нету? Значит: «собес». МРОТ и «собес». Сяду тогда в очередь.

Сел в кресло, рюкзак на пол поставил.

О, снега-то набежало на пол ... Мокро. Мокротень. Ну, ничего, она вымоет. Она тут, поди, и за уборщицу, и за всех кого хочешь работает. Ну и пусть. Загажу им тут всё совсем, раз они так ...

Смотрит в окно, говорит негромко.

Вот ведь гадина какая. Ей лет двадцать, а она превратилась в фуфло покрашенное. Брови выщипала, ресницы приклеила, вся в гуччи-шмуччи фальшивом с рынка. Сто процентов – дальнобойщиков обслуживает, сама из деревни – тысяча процентов, тут одна деревня на сто километров, она оттуда, верняк, до города пилить да пилить. Да как же тебя так твои набожные родители-крестьяне воспитали, что ты выросла и стала такая тварь бессердечная, а?! Говорю же ей: холодно, говорю же: душ мне надо, говорю: устал и есть хочу, а она блин-блин своими приклеенными ресницами и смотрит на меня, как корова пучеглазая, смотрит, как на пустое место. Ну, понятно: с меня что взять? С меня взять нечего. Пришел бы сейчас какой богатенький быдлак – сразу бы прикинулась овечкой. А сейчас стоит – мегера мегерой, жирная, толстая ...

НИНА. Я не толстая.

СЕРГЕЙ. Еще как толстая. Рассосисилась нафиг, рассарделилась, расколбасилась, раскабанела ... Свинота.

НИНА. Сам ты это слово. Я сейчас милицию вызываю.

СЕРГЕЙ. А за что меня? Я просто сижу.

НИНА. Ты меня оскорбляешь и материшься.

СЕРГЕЙ. Не матерюсь и не оскорбляю. У меня внутренний монолог идет наружу и всё. Просто говорю вслух - и всё. И нигде не записано то, что я говорю. Всё только в моих мозгах. А милиция мне в мозг не залезет, и оштрафовать или посадить в кутузку - не сможет.

НИНА. Словоблуд какой, а? Словоотряс, пустобрёх, пустослов, болтун, пустомеля, словоотрёп. Прёт из него всякое. Вызываю милицию.

СЕРГЕЙ. Еще можешь сказать умное: «демагог», «фразёр». Учю тебя умным словам. Да, я демагог. Я люблю устраивать заседание Государственной думы. Поговорить люблю. Потому что: театр – это место, где разговаривают.

НИНА. Чего?

СЕРГЕЙ. Да нет тут никакой милиции на сто километров, не пугай.

НИНА. Я позвоню 911 или 112.

СЕРГЕЙ. Да хоть девять один два или один один три – никто не приедет. Даже если тебя грабить будут или загорится – не приедут.

Молчит.

О, кстати. Насчет «грабить». Цыганский цирк ведь должен ограбить колхозный детский сад, так?

НИНА. Какой цирк? Какой детский сад? Чего тебе?

СЕРГЕЙ. А того мне. Вот чего.

Достал из рюкзака пистолет.

Гони бабки, ну? Гони или пристрелю, кому сказал?!

Пауза.

НИНА. У меня тут мало. У меня безнал. Всё по карточке ...

СЕРГЕЙ. По карточке?! Ага?!

НИНА. По карточке ...

СЕРГЕЙ. Переведи на мой телефон всё, что есть! Ну, быстро?!

НИНА. Пять тысяч только есть ...

СЕРГЕЙ. Давай сюда. Вот мой номер телефона. Пишу тебе тут.

Сергей подошел к стойке, подвинул кота, тот не шевельнулся.

Сергей вырвал листок из какой-то тетрадки, пишет.

Нина нажимает кнопки телефона.

Молчит.

НИНА. Мамочки ... Он пишет, что такого номера не существует ...

Сергей смеется, машет пистолетом, дует в дуло, зажигает зажигалку.

СЕРГЕЙ. Зажигалка. Пистолет игрушечный ... Ну, и дура ты. Я учусь на артиста. И часто так забавляюсь. Людей развожу и веселю. И сам веселюсь ... Смешно же? Нам дают такие

задания, чтобы мы придумывали и что-то так всерьез делали, чтобы люди поверили ... Я уже этим пистолетом много кого развел ...

Пауза.

НИНА. Задания?

СЕРГЕЙ. Ну да.

НИНА. Задания вам?

СЕРГЕЙ. Ну да, такие задания по актерскому мастерству ... Понимаешь?

НИНА. Мастерству, да?

СЕРГЕЙ. Ну, актерское мастерство, понимаешь? Еще есть сценическая речь, фехтование, сценическое движение и прочее всякое такое сценическое ...

НИНА. Сценическое, да?

СЕРГЕЙ. Ага. Сценречь: кпти-гбди, штри-ждри, штру-ждру ... Умеешь так? Я научу. От топота копыт пыль по полю летит ... Поняла?

НИНА. Научишь, да?

СЕРГЕЙ. Конечно. Ну, заселишь? Видишь, какой я веселый парень. Тебе будет весело со мной. Да?

НИНА. Кого?

СЕРГЕЙ. Меня, блин, заселишь?

НИНА. Тебя?

СЕРГЕЙ. Ну, не тебя же.

НИНА. Не знаю. Я тут первый день.

СЕРГЕЙ. И я первый. Ключик! Золотой ключик давай мне уже. А то я уже чешусь, воняю. в душ надо.

Нина берет со стойки вазу, кидает в Сергея.

НИНА. Сволочь поганая!

Берет швабру, которая стояла у порога. Начинает бить ею Сергея.

Сволочуга ты поганая ...

СЕРГЕЙ. Но, но! Что вы себе позволяете с клиентами?!

НИНА. Я тебе покажу клиента, скотина!

Нашла в углу большую сеть – старый гамак, затолкала Сергея в угол, накинула на него, тот зажался, барахтается.

СЕРГЕЙ. Но, но, ты давай не это, ты чего?!

НИНА. Ты посмотри на него, дурака кусок какой, а?! Ты думал, что – я с тобой не справлюсь? Я с коровами и быками справлялась, а с тобой хлипзик поганый не справлюсь?! Правильно что тут гамак лежал, надо было мне еще взять старую сеть отцовскую! Тварь ты такая! А гамак тут – ну, как чувствовала, что надо будет ... Думала, летом пригодится, сделаю сетку от комаров или еще что ... А тут вот и пригодилось - для комара поганого, кровососа ...

СЕРГЕЙ. Ну, ты, ты что сделала а?!

НИНА. Сиди, сиди, поганец, дурака кусок, и не квакай! Сейчас мужички проснутся или новые приедут – они тебя прям в этой сетке и отправят по назначению, довезут! Понял?

Артист, а?! Видали мы таких артистов. Сиди вот!

СЕРГЕЙ. Ты чего, дура?! Ты как смогла, свинота?! Это же сценический этюд был с пистолетом, как в кино! Мне попробовать надо было, это опыт такой! А ты, идиотка, не поняла?! Ты что, не врубашься?! Это мне надо для учебы!

НИНА. Для учебы тебя надо посидеть в тюрьме. Очень большой опыт человеческий получишь. Сиди вот.

Нашла веревку, прижала Сергея, привязала гамак к ножке кресла.

Дышит тяжело.

Встала с колен.

Взяла из-под стойки администратора пакет с зерном.

Вышла на улицу, стоит на крыльце, кидает зерно высоко и кричит:

Гуля-гуля-гуля! Гулиньки! Сюда летите! Гуля!

С деревьев тут же слетелись какие-то птицы – голуби, воробьи, вороны и принялись клевать зерно.

Видно, птицы тут живут где-то, прячутся зимой в крыше этой гостиницы, и их подкармливают проезжающие.

СЕРГЕЙ. Э, ты куда пошла? Выпусти меня, ну?!

Нина птиц покормила, вошла, дверью хлопнула.

Постучала ботинками по полу, сбивая снег.

НИНА. Сидишь? Вот и сиди.

Пауза.

СЕРГЕЙ. Что, птичек кормишь там, да? Добренькая? Животных любишь? Папочка с мамочкой научили? Мол, доченька, накорми всех и каждого, так? А людей они не учили тебя любить?

НИНА. Ты, что ли, люди?

СЕРГЕЙ. Я – люди.

НИНА. Нет, ты не люди. Ты на блюде.

СЕРГЕЙ. Я – люди, да! Нет, не похож?

Нина копается в ящиках стойки, бумаги достает, что-то там пишет.

НИНА. Я второй день работаю, а живу на свете 18 уже. Тебе тоже 18, нет? Ровесники, ага? Только с разных берегов. Ты икру красную ел, а мы - с хлеба на воду всю жизнь. Не лопнула харя-то у тебя от красной и черной икры? Дурака кусок ...

СЕРГЕЙ. Никакую икру я не ел ...

НИНА. Не ел, так - жрал. Ну, и ладно. Хорошо. Как хорошо-то. В армию не взяли? Отмазался? Вижу, таких дебилов не берут. Интеллигенция, да? А я деревенская. Всю жизнь на огороде стою над картошкой буквой «эю», а земля как бубен высохла, я в пыли или в грязи, а работаю, работаю – и ничего. Да? А ты день хоть работал или только языком трёкал? Я всю жизнь со скотиной, я сильная. Палкой скотину гоняю. И тебя, скотина, палкой буду.

СЕРГЕЙ. Не надо палкой.

НИНА. Надо, Федя, надо. Еще как надо. Скотина поганая. Дурака кусок.

СЕРГЕЙ. Я не скотина. Я не дурака кусок.

НИНА. Я только-только, еле-еле нашла работу плохонькую, хоть какую-то работёшечку себе, более-менее городскую, вырвалась из деревни, а этот паразит решил мне всю работу испортить ...

СЕРГЕЙ. Карьеру твою ...

НИНА. Замолчи! Сейчас, сейчас мужички придут, они тебе покажут ...

СЕРГЕЙ. Не надо мне показывать ...

НИНА. Покажут, покажут ... Я в институт хотела летом, чтобы стаж был немножко рабочий, вся деревня сидит без работы – ни садика, ни школы, ни магазина, привозят раз в неделю в деревню на машине продукты и хлеб, а этот решил меня угробить? Я тебе угроблю!

СЕРГЕЙ. «Только-только, еле-еле, угроблю, поменять мне надо деревенскую жизнь на городскую! ...» Так, да? Надо записать мне твои словечки жаргонные для сценречи. А я песни про деревни знаю, хочешь – спою?

НИНА. Я тебя сейчас как ужварю палкой по одному места – мало не покажется, вот не запоешь тогда! Да где эти мужички-то?! Жди, жди. Они тебя отмудохают так, что не встанешь потом, погоди, погоди у меня!

СЕРГЕЙ. Ну, стукни уже палкой, стукни, а то обещаешь только! Давай: ты меня бьешь, будто на кнопку нажимаешь, а я тебе песню спою!

НИНА. Да на ты, раз просишь!

Нина бьет Сергея палкой.

СЕРГЕЙ. Ай! *(Поет)*. «Эскадрон моих мыслей шальных!».

Она снова его бьет.

Ой! *(Поет)*. «Моя любовь живет на 23 этаже!».

НИНА. Еще дать? На! Не так запоешь, дурака кусок!

Бьет его еще раз.

СЕРГЕЙ. Уйя! *(Поет)*. «Снова стою одна! Снова курю, мама, снова!».

НИНА. Да замолчи ты, гад такой!

Бьет его. Сергей вылезает из сетки, хватается за палку, держит.

Смеется.

СЕРГЕЙ. Ух ты, какая! *(Поет)*. «Миллион, миллион алых роз!». Ты что думаешь, справилась со мной? Я же шутил, играл с тобой, а ты так серьезно палкой размахалась, да? Я же артист, сказал ведь тебе, я всё играю ... Это всё элементы сценического движения! Сценбой, так сказать, понимаешь?

НИНА. Не подходи ко мне!

СЕРГЕЙ. Я артист. Скоро буду. Вот увидишь меня скоро вот по этому ящику по своему. И я из этого ящика скажу на всю страну, что вот, мол, эту вот девушку не берите в институты, а только в ПТУ берите, и назову имя, адрес, и на каком километре твоя гостиница «Империя отдыха», и опозорю тебя всем-всем, потому что ты однажды взяла и бедного путника не поселила, не согрела, не обогрела ...

НИНА. Не подходи!

СЕРГЕЙ. Да нужна ты мне. Посижу и уйду. Я же путник. Я иду. У меня свой путь, ни на кого и ни на что не похожий. Поняла?

НИНА. Какой ты путник. Дурака ты кусок.

СЕРГЕЙ. А вот это проверим сейчас – кто кусок и кто дурак.

НИНА. Что тебе надо? Что ты ко мне привязался?

СЕРГЕЙ. Да ничего. Сказал ведь: посижу да пойду. Теперь шишка будет ... Я автостопом езжу. Потому что мне так надо. Я людей изучаю.

НИНА. Куда ты едешь? Зачем? Кого изучаешь?

СЕРГЕЙ. Чего?! Уже не боишься меня? Людей изучаю, говорю.

НИНА. Зачем?

СЕРГЕЙ. Ну, так – интересно. Для профессии. Для будущей. Набираюсь впечатлений. Может, писателем стану потом, или, и правда, артистом. Я еще не решил: стану ли артистом. Я пока учусь. И изучаю людей. Характеры. Для актерской профессии.

НИНА. Сильно изучил?

СЕРГЕЙ. Нормально.

НИНА. Да что врать-то? Да у тебя, как у Гаёва – нет ничего своего.

СЕРГЕЙ. Есть, есть, не бойсь. Дай-ка мне чаю давай.

НИНА. На. Чаю ему ...

Сергей сел за столик, Нина чайник включила, он вскипел быстро.

Молчат.

Она ему чай в чашке заварила, принесла, поставила.

Стоит рядом.

Придурок. Напугал до смерти. Пойду, птиц покормлю ...

СЕРГЕЙ. Кормила только что.

НИНА. Не твое дело.

СЕРГЕЙ. Птиц она пожалела. А меня – нет.

НИНА. Не твое дело.

Вышла на улицу, дверью хлопнула, кричит:

Гули-гули!

Прилетели птицы.

Она их кормит.

Плачет.

Слезы вытирает.

Он смотрит в окно на нее.

СЕРГЕЙ (*смотрит в окно, говорит негромко*). Я вот ехал в автобусе ... Сажу, слушаю, уши развесил. Слушаю, а сзади тетка с сыном, ему лет десять, и она с ним говорит так, будто с куклой ...

Нина вошла.

НИНА. С кем ты тут?

СЕРГЕЙ. Ни с кем. Ты же ушла. Говорю: ехал в автобусе, сажу, слушаю, а сзади тетка с сыном, ему лет десять, она с ним говорит так, будто с куклой.

НИНА. Ну и что? И как это?

СЕРГЕЙ. Ну вот, стоит это кресло, да? И вот я с ним буду разговаривать вот так, сюсюкать: «Ой ты мое креслице старенькое, продавленное, замазанное, засаленное! Да кто же на тебе сидел, и кто ж только не терся, кто только не обливал тебя чаем и кофеом, кого ты только не видело?! Какие только толстые и тощие жопки на тебе не сидели?! А может, и любовными утехами на тебе занимались?!».

Молчание.

Понимаешь?

НИНА. Ну и что?

СЕРГЕЙ. Ну и то.

НИНА. А при чем тут тетка и ее сын?

СЕРГЕЙ. Ну вот, предположим, с цветком с твоим пластмассовым, с пальмой этой, с окном, со столом еще можно так говорить, сойдет, да? А вот с человеком так можно? Как ты считаешь?

НИНА. Ну?

СЕРГЕЙ. Ну, ну, заладила! И вот она говорит ему, тетка-то, сыну своему: «Мишенька, ну что ж ты уроки-то не выучил? Надо ведь выучить и мамочку радовать! Ну, что же ты такой нехороший, говёшечка моя? Ну, вот посмотри в окошко, там деревья, снег, там машину едут, там другое всё, не как у нас дома! Хочешь кушать? Нет? Съешь что-нибудь! Надо кушать, надо много кушать и мамочку радовать!».

НИНА. И что? Все родители так с детьми разговаривают. Сюсюкают все. И что такого? Все так говорят с детьми, как с вещами или как с мертвыми.

СЕРГЕЙ. Вот! Именно то слово! Как с мертвыми!

Дверь от сквозняка хлопнула.

Нина подошла, плотнее закрыла ее.

Смотрит на улицу.

Там птицы доклевывает последние зёрнышки.

НИНА. У меня вот сестра умерла. Мать у гроба так с ней говорила. Сестре восемь лет было. Ну, она и при жизни с ней так говорила.

СЕРГЕЙ. Со мной так не говорили.

НИНА. Да прямо что. Ты не помнишь просто. Они все так говорят с детьми. Как с мертвыми.

Молчат.

Лампочка мигает.

СЕРГЕЙ. Дай лампочку, я вкручу другую. А то эта мигает, бесит меня.

НИНА. Не достанешь. Ты мелкий.

СЕРГЕЙ. Сама ты «мелкий» ... Вот на кресло поставлю еще одно кресло и вкручу.

НИНА. На мертвое – мертвое поставишь?

СЕРГЕЙ. Чего? А, ну да. Считай, что так.

НИНА. На вот лампочку. Зажгешь?

СЕРГЕЙ. Зажгешь ... Зажгу, блин ...

Поставил кое-как кресло на кресло, залез, всё шатается.

Выкрутил лампочку, отдал Нине.

Вкрутил новую, свет загорелся – горит ровно, не мигает.

Опа! «Да будет свет!», - сказал электрик и обрезал провода!

Хлопает в ладоши, падает, ударяется головой об камин.

Лежит, стонет, потом перестает стонать, но всё так же лежит.

НИНА. Эй ты, ну? Вставай?

Проснулся кот, прыгнул со стойки, пришел. понюхал Сергея, стал ему лицо облизывать.

Ну вот, Васька, у нас труп. В первый рабочий день. (*Молчит*). Я же знаю, что он

придуривается, раз артист. Ну, полежи, полежи еще. А я буду говорить с тобой, не как с вещью, не как с мертвым, а как с живым.

Встала на колени, гладит Сергея по плечу, а кот всё так же лицо ему облизывает.

Какой же ты красивый, миленький ... И родители красивые были, поди. Ты весь ростом в папку. А лицом красивым в мамку. Тебя не били, любили, кормили, растили, как куколку базарную наряжали, на санках в детский сад возили, тетешкали, подарки дарили, хотели продолжения рода ... А вот он не продолжается никак ... Мама тебе говорила: «Ну, поешь, поиграй и спать ложись, и пусть сны красивые приснятся тебе, сыночка ... А завтра – будет завтра. Встанешь и тополя зеленые будут за окном шуметь, будет солнце в окно и квадратики солнечные будут на полу на половиках прыгать, тебя дразнить ... И котенок маленький будет греться в лучиках солнца и играть с ними. А тебя, сыночка, будут в жизни ждать не мороз и стужа, а всегда солнце и тепло ... И всегда котик будет веселить тебя ...». А потом папка приходил с работы, и брал тебя на руки, и подкидывал тебя к потолку легко, и ты смеялся вместе с отцом ... Так было у тебя, я знаю ...

Пауза.

СЕРГЕЙ (лежит). Не так. Я никак не мог научиться шнурки бантиком завязывать на ботинках и меня ругали за это ...

НИНА. И всё? Шнурки бантиком просто завязываются.

СЕРГЕЙ. Нет. Не просто.

НИНА. И это все твои проблемы в детстве были? Да уж. Всяк пьет, да не всяк крикает. А рассказать тебе, что у меня и как было? Думаешь, говорили со мной как с куклой или вообще – говорили? Нет. Пьянь, крики, драки. Самогон гонят, дом на клюшку, книжку мою про принцессу – в печку, просто на зло - мать кинула. А я бы хотела, чтобы она хоть раз в жизни хоть как-нибудь со мной поговорила ... Нет, не говорила. Хоть как со шкафом бы или как со стулом. Хоть бы сюсюкала, хоть что ... Нет. И вот – нету их. Померли. Сгорели по пьяни. Братьев-сестер маленьких, троих в детдом отдали. Да мы были-то для них, как кошки или как собачки, лишние, такие вот - бездомные собаки будто ... Жрать всё просили. **(Пауза).** А я старшая, взрослая, вроде как, осталась одна в доме, без родных, и я вот сюда пошла, сюда еле-еле устроилась, взяли. Прибрала всё ... Кое-как. Вон – задергашки даже постирала на окне ... Да еще хозяин всё намеки мне делал, как устраивалась сюда ... Понимаешь? А я вот думаю: а вдруг какой придет нормальный мужик сюда, не сволочь какая, и заберет меня, а? ... А не заберут. Вот ты бы меня забрал? Нет. А какая там у вас жизнь, а? **(Пауза).** А вся наша деревня про меня сплетни: мол, ну, яблочко от яблони недалеко падает ... Мол, на трассу пошла подрабатывать ... А что еще скажут? Доброе слово скажут? Они лучше печке скажут, или стулу, чем человеку ... Не хотят люди говорить друг с другом. Незачем им это. И слова доброго – никто никогда один другому не скажет ... Незачем потому что, считают. **(Пауза).** А я пошла сюда за другой, красивой жизнью. Есть ведь она? Артисты где-то даже есть, в платьях ходят ... Или нет?

Он сел, трет лоб.

СЕРГЕЙ. Что, всё?

Молчание.

НИНА. Ну, всё, вроде. Надолго ли собаке блин.

СЕРГЕЙ. Ты со мной сейчас, как с живым говорила сейчас или как с трупом?

НИНА. Чего?

СЕРГЕЙ. Я живой.

НИНА. Я знаю. Я вижу.

СЕРГЕЙ. А ты думала – я умер?

НИНА. Не думала.

СЕРГЕЙ. Я придурился.

НИНА. Я знаю. Ну, и дурака ты кусок какой, а?

СЕРГЕЙ. Отвечай?

НИНА. Что? Заселить тебя?

СЕРГЕЙ. Уже не надо.

НИНА. А что так?

СЕРГЕЙ. Теперь уже не надо.

НИНА. А что так? Наизучался уже?

СЕРГЕЙ. Кого?

НИНА. Да жизнь-то? Ты же всё ходишь и изучаешь, а видишь только черное. Мать с сыном, говоришь, в автобусе - как с мертвой куклой. Так ты видишь?

СЕРГЕЙ. Так.

НИНА. А как надо, чтобы наркоманом не вырос? Палкой бить с малолетства?

СЕРГЕЙ. Не знаю я ничего. Ничего я уже не понимаю.

НИНА. Не понимает он.

СЕРГЕЙ. Ты понимаешь?

НИНА. Понимаю хоть что-то.

СЕРГЕЙ. Ты что меня мучаешь? Надо со мной соглашаться, а ты всё огрызаешься и огрызаешься?

НИНА. А ты не огрызаешься? А что мне, соглашаться с тобой? Ты про мертвое и про живое говоришь, а я тебе говорю, что - всё живое. Вон – птицы живые, вон – лес стоит, люди живые, цветок на окне у меня живой стоит ... Не всё пластмасса тут.

СЕРГЕЙ. Кот твой живой?

НИНА. Живой котик мой. Не мертвый.

СЕРГЕЙ. И что ты сказать хочешь? Что всё - живое? Нет. Мертвое. Они все там – мертвые, не живые. Они не могут живыми быть, они только ходячими мертвецами могут быть. Восстание мертвецов, знаешь такое?

НИНА. Ты что ж так всех ненавидишь-то? Такой красивый, а так всех ненавидишь?

СЕРГЕЙ. А за что вас любить? За что их всех любить? Везде – система Пыньки-жулика. Понимаешь? Я что должен, в каждую судьбу влезть, каждому помочь, в положение каждого войти? А зачем мне ваши заботы? Я только о себе должен беспокоиться. Я вот сейчас должен проникнуться твоей судьбой и тебя жалеть, про тебя думать? Да надо оно мне! Я – единица, я – талант, я – человек. А вы все мертвы для меня. Ты что, не знаешь, что так и только так надо жить?

НИНА. Не знаю и знать не хочу. Живое всё.

СЕРГЕЙ. Слушай, я просто в ауле от тебя. Да пошла ты к черту, дура деревенская, и твоя деревенская идиотская философия – к черту. Иди быкам хвосты крутить, а не тут сиди.

Кстати, знаешь ли ты, что всегда, когда коней продают, им задницу мажут имбирем? Не знаешь? Ну, чтоб они хвостом крутили и изображали из себя иноходцев, молодых таких?

НИНА. Чего?

СЕРГЕЙ. Того. Имбирем намажся. А то молодая, а смотришься, как старуха. Сидит она себе тут, собралась карьеру делать. Какую карьеру, кто возьмет тебя в свою жизнь, дуру такую? Ресницы приклеила, губы уточкой нарисовала – фу, противно. Еще в солерий тебе надо сходить – будет полный комплект.

НИНА. Возьмут.

СЕРГЕЙ. Ага. Садись, пять, завтра мамку приведешь. Понесли ботинки Митю. Много ты говоришь. Или как ты там сказала – «пустобрёх», «пустомеля», или как еще? Вот это ты. Много ты языком мелешь, интересничаешь перед мной, а ты что понимаешь-то в жизни?

НИНА. Ты, я вижу, много понимаешь.

СЕРГЕЙ. Вот как? Уже всё поняла про меня?

НИНА. Да уж поболее тебя понимаю.

СЕРГЕЙ. К черту иди, иди к черту, не путай меня, идиотка! Я уже жизнь изучил хорошо и вижу, что нет любви, что нет живого на свете, и ты меня не переубедишь! Все улыбаются друг другу, смеются мертвыми губами, говорят друг с другом одно, а думают другое, не видят в другом живого, и ты меня не убедишь в другом, потому что - это только так и никак иначе, поняла ты, дурко деревенское?! Или что ты там говоришь – «дурочки кусочек»?

НИНА. А что ты так испугался? Меня?

СЕРГЕЙ. Не боюсь я никого, поняла?

НИНА. Жалко тебя.

СЕРГЕЙ. Пошла к черту. Я на артиста учусь, и я знаю, что такое подтекст. Вот и ты: говоришь «жалко», а я вижу и слышу, что ненавидишь. Потому что я другой и тебе до меня – как до Китая раком.

НИНА. Не то ты слышишь. Мертвый ты, что ли?

СЕРГЕЙ. К черту иди.

Стукнул дверью, ушел.

Она вышла на крыльцо, смотрит ему вслед.

Он на трассе рукой помахал, и почти сразу черная машина с надписью «Ритуал» остановилась, подобрала его.

Она зерно бросает птицам.

Кот вышел на улицу, сидит на крыльце, жмурится на солнце, облизывается.

Она кота взяла на руки, вошла внутрь, дверь закрыла.

Лампочка горит ровно.

Она свет выключила.

Днем свет жгу, дура я, что ли? Надо экономить.

Забралась в кресло, свернулась калачиком.

НИНА. Ну, что, креслице мое? Кто на тебе сидел всю твою жизнь деревянную? Расскажешь мне? Про маму с папой, которые сидели тут, про отца - он сына ждал из армии, про любимого, который ждал любимую, про всех-всех расскажи мне ... Ты же не мертвое? Ты же живое? Расскажи мне всё ...

Закрыла глаза, молчит.

Мертвое ты или нет? Живое всё ... Не мёртвое ...

Уснула.

Темнота

Занавес

Конец

22 января 2024 года

Хижина - Москва.